

Женщина, рыдая, продолжала:

— Ведь... ведь Эрдань — найдёныш. Мы тогда думали, что не сможем родить, боялись насмешек, поэтому притворились, что я беременна. За эти девять лет мы ни в чём ему не отказывали. Если бы не мы, он бы давно сгинул в какой-нибудь канаве. А теперь... теперь... — Женщина посмотрела на мужа. — Настало время, чтобы он отплатил нам!

Муж резко поднял руку, но замер, дрожа, перед лицом жены. Он вздохнул и опустил руку, сев на корточки, сжав голову руками.

— Но это место... это не для людей! Эрдань — мальчик, зачем ему заниматься таким...

Муж не ударил, и женщина, открыв закрытые глаза, похлопала его по плечу, утешая:

— Не обязательно же. Ты же сам сказал, Эрдань — мальчик. Может, он будет просто помогать по хозяйству. Эти знатные господа, зачем им нужен такой тощий мальчишка, как он, правда?

Муж поднял голову, уставившись на жену.

— Правда?

— Конечно, правда! К тому же, там он не будет голодать, сможет наесться, разве нет?

Муж замолчал.

Все люди такие — готовы обманывать себя, лишь бы верить в то, во что хочется. Зная, что поступают плохо, они убеждают себя, что всё равно добры. Как будто так можно успокоить совесть.

— Ладно, завтра, когда тот господин придёт, решим.

Приняв решение, они замолчали. Ван Эрдань, свернувшись на глиняной лежанке, сжал губы, чтобы не издавать ни звука, не проронить ни слезинки. То, чего он боялся и избегал, наконец случилось.

На следующее утро Янь Янь встретил Ван Эрданя.

Внутри барьера Янь Янь долго всматривался, прежде чем увидел ребёнка, сидящего в углу, обхватив колени, словно пытаясь спрятаться в своих руках. Янь Янь удивился: неужели такой маленький ребёнок уже научился скрывать себя?

Он подошёл и присел перед ребёнком, стараясь сделать своё обычно строгое лицо мягче и добрее.

— Малыш, ты звал меня?

Ребёнок медленно поднял голову, и Янь Янь не мог не признать, что даже в таком истощённом состоянии это был самый красивый мальчик, нет, ребёнок, которого он видел. Особенно его глаза. Позже Янь Янь описывал их Янь Чжо как звёзды — ясные, чистые, но наполненные неуловимым горем, словно опасный водоворот, в который невозможно не попасть.

Человек перед ним пристально смотрел, и Ван Эрдань испугался.

— Братец, кто ты?

Янь Янь очнулся, слегка кашлянул, чтобы скрыть смущение.

— Это не важно. Ты позвал меня.

— Я? — Ван Эрдань посмотрел в сторону, увидев родителей, стоящих перед хорошо одетым человеком, с мрачными лицами. Сам он прятался за спиной отца, не двигаясь.

Ван Эрдань не удивился, не испугался, лишь усмехнулся и сказал Янь Яню:

— Братец, а почему этот я не двигается?

— О, время снаружи остановилось. Когда мы закончим, ты снова сможешь двигаться.

Ван Эрдань кивнул, будто всё понял.

— Ага.

— Ты не боишься?

— Чего бояться? Ты же сказал, это я тебя позвал.

Янь Янь усмехнулся.

— А зачем ты меня позвал, знаешь?

— Знаю. — Ребёнок пристально посмотрел в глаза Янь Яня, серьёзно произнёс:

— Братец, я знаю, что ты — бог. Пожалуйста, помоги мне. Я знаю, что родители хотят меня продать. Я хочу притвориться, что ничего не знаю.

Янь Янь перестал улыбаться.

— Почему? Дети обычно плачут и кричат. Может, если ты заплачешь, они передумают.

Ван Эрдань покачал головой.

— Я не хочу, чтобы они передумали.

Родители, продавая ребёнка, притворяются жестокими. Янь Янь не раз создавал такие маски. Он прожил десятки лет, видел множество человеческих сердец, переплавлял множество душ, его сердце давно очерствело. Он был чиновником Инь, видел круговорот жизни и смерти, возмездие. У него не было лишнего сочувствия. Но этот ребёнок, всего девяти лет, не плакал, не кричал, даже не жаловался, не злился, а лишь научился подчиняться судьбе. Янь Янь не мог не признать, что его сердце дрогнуло.

Он взял ребёнка за руку, мягко, как когда-то утешал Янь Чжо.

— Почему? Разве не хорошо, когда есть родители?

— Когда есть родители, мне хорошо, но родителям и брату будет плохо. Мы умрём от голода.

Янь Янь сжал сердце, но улыбнулся.

— Правда, но ты знаешь, куда тебя отвезут?

Ребёнок покачал головой, потом кивнул, смутно сказав:

— Кажется, в какой-то дом, я слышал, что-то вроде помощника.

Янь Янь прикусил губу, но всё же выдавил:

— Ну, это неплохо. По крайней мере, не будешь голодать.

— Верно. — Ребёнок улыбнулся ему, и этот невинный взгляд бичевал остатки его совести. Он схватил ребёнка за плечи, крича:

— Ты вообще понимаешь, что это за место? Это не для людей!

— Я знаю! — Ребёнок всё ещё улыбался, но из уголка его глаза скатилась слеза. — Но что мне делать? Я ведь не родной!

Выживание — это инстинкт, природа человека. Янь Янь знал, что в голодные времена даже родные дети могут быть обменены на еду, что уж говорить о приёмных.

— Ты уверен?

— Хм.

Пусть будет так, подумал Янь Янь. Это всего лишь обычный ребёнок. Зачем винить себя? Не нужно. Он сам выбрал. Он чиновник Инь, выполняет долг перед Дворцом Юйи, это его обязанность.

— Хорошо, я начинаю.

Ребёнок уснул, а когда проснулся, высокий мужчина всё ещё стоял перед ним, улыбаясь.

— Братец, ты ещё не ушёл?

Янь Янь смутился.

— Хм, я ждал, пока ты проснёшься. Теперь я уйду.

Ребёнок огорчился, тихо сказал:

— Я ещё увижу тебя?

Янь Янь погладил его по голове.

— Когда я уйду, ты меня забудешь. Надеюсь, ты больше никогда меня не увидишь.

Ребёнок смотрел на него, словно что-то понимая, и вдруг одарил его милой, яркой улыбкой.

— Братец, ты такой добрый.

Янь Янь замер. Он не мог больше смотреть на ребёнка и резко закрыл барьер.

— Эрдань, иди с этим господином, будешь жить в роскоши, больше не будешь страдать.

Ван Эрдань беззаботно улыбнулся.

— Правда? Мы больше не будем голодать?

Крестьянин ущипнул его за щеку.

— Да, теперь всё будет хорошо.

— Ура! Наконец-то не будет голода! — Ван Эрдань радостно замахал руками, но вдруг опечалился, и крупные слёзы потекли по его лицу. Он потянул за рукав отца, жалобно сказав:

— А папа и мама тоже пойдут со мной?

Крестьянин чуть не заплакал, но женщина, улыбаясь, отвела Эрданя.

— Иди, Эрдань, ты сначала, а мы через несколько дней придём к тебе, хорошо?

— Хм! Хорошо. — Ребёнок улыбнулся сквозь слёзы и протянул руку. — Тогда давайте пообещаем. Если папа и мама обманут, они станут собаками!

— Хорошо, пообещаем! — Женщина протянула руку, мизинцем обхватила тонкий пальчик ребёнка, и они вместе нажали большими пальцами, заключив шутливое обещание.

— Кхм, время почти вышло, можно идти. — Господин наконец потерял терпение и заговорил.

— Ах, да, да, идём, Эрдань, иди с господином.

Господин взял Ван Эрданя за руку и, на глазах у ребёнка, бросил на землю мешочек с серебряными слитками. Ван Эрдань словно ничего не заметил, не обернувшись, пошёл за человеком.

Родители долго смотрели на серебро, наконец вздохнули, подняли его и вернулись в дом.

Янь Янь, используя магию невидимости, стоял в углу, наблюдая за всем этим. Он не знал, зачем остался. Просто хотел посмотреть. Он надеялся, что сильное желание ребёнка заставит его снять маску, но, очевидно, тот играл лучше, чем он ожидал. Настолько хорошо, что Янь Янь усомнился, не повысился ли его уровень мастерства. Он смотрел на свои руки, которые манипулировали душами, и впервые почувствовал себя виноватым.

<http://bllate.org/book/15548/1413630>